

Рецензии. Обзоры

УДК 39(:511.131)(049.32)

С.К. Белых

НОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПО ЭТНОГРАФИИ УДМУРТОВ

Статья представляет собой рецензию на сравнительно недавно опубликованную монографию И. А. Косаревой «Этнографические группы удмуртского народа (опыт выделения)», посвящённую проблеме выделения этнографических групп удмуртского народа. Вплоть до наших дней в историко-этнографической литературе деление удмуртского народа на этнические и этнографические группы основывалось, главным образом, на базе общих историко-географических соображений (выделялись северные, южные, срединные, закамские, завятские и прочие территориальные группы удмуртов), или на базе некоторых фактов этнической самоидентификации отдельных групп (бесермяне, удмурты-ватка). При этом границы расселения этих групп обозначались довольно расплывчато и сами критерии выделения формулировались недостаточно чётко и определённо. Основываясь на трудах своих предшественников, архивных материалах и собственных историко-этнографических изысканиях, автор предлагает свой вариант классификации этнографических групп удмуртов.

Ключевые слова: этнография, этнографические группы удмуртов, материальная и духовная культура удмуртов, этническая территория удмуртов.

DOI: 10.35634/2412-9534-2019-29-4-674-678

В двух выпусках недавно возрождённых к жизни «Известий Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете» была опубликована весьма интересная и в чём-то знаковая работа доцента Удмуртского государственного университета, канд. ист. наук Ирины Алексеевны Косаревой «Этнографические группы удмуртов (опыт выделения)», посвящённая некоторым очень важным и существенным вопросам этнографии удмуртского народа [1; 2].

Как видно из названия монографии, данная работа исследует тему выделения и разграничения этнографических групп удмуртского народа. Хотя тема эта не нова для удмуртской этнографии, тем не менее следует отметить, что она пока далека до окончательного раскрытия и завершения. До сих пор этнические и этнографические группы удмуртов выделялись исследователями либо по критериям чисто территориально-географическим (северные, южные, срединные, чепецкие, прикильмезские, средневосточные удмурты и т. п.), либо по признаку самоидентификации отдельных групп удмуртов (типа *удмуртов-ватка*). При этом, как правило, очень нечётко и как-то неполно оговаривались критерии выделения этих групп, а границы ареалов их расселения рисовались довольно расплывчато и неточно.

Взяв за основу предложенный её предшественниками (В. Н. Белицер, С. Н. Виноградовым, С. Х. Лебедевой) подход, базовым критерием которого были особенности локальных традиционных удмуртских костюмных комплексов, И. А. Косарева дополнила наработки своих коллег некоторыми собственными данными, касающимися некоторых аспектов семейно-бытовой сферы жизни, материальной и духовной культуры различных групп удмуртов, сопоставила эти данные с материалами удмуртской диалектологии и, по сути дела, довела такой подход до логического конца. В итоге, И. А. Косарева предложила свой вариант классификации этнографических групп удмуртского народа.

Рецензируемая монография структурно состоит из двух частей, двух книг: первая являет собой собственно текст монографии; во второй представлено собрание большого количества весьма полезных и важных иллюстративных материалов.

Первая книга включает введение, три части и заключение. Во введении автор довольно ёмко и полно обрисовывает актуальность и степень изученности темы, анализирует имеющиеся на сегодняшний день источники и литературу по данной тематике. И. А. Косарева отдельно останавливается на таком важном теоретическом вопросе этнографии, как классификация и иерархия различных этнических общностей (с. 11–12). Отметим, что среди этнографов и этнологов нет единства мнений в определении статуса таких понятий, как *субэтнос*, *этническая группа*, *этнографическая группа*. Вкратце упомянув некоторые из высказывавшихся по этому поводу суждений, автор присоединяется к точке зрения, пожалуй, преобладающей в современной этнографии, о том, что *этнографическая группа*

— это часть этноса, не осознающая своей обособленности и выявляемая учёными на основе анализа имеющегося этнографического материала. *Этническая группа*, согласно этой точке зрения, в отличие от этнографической, чётко осознаёт свою обособленность от остальной части этноса, что закрепляется наличием особого самоназвания (с. 12).

Интересно, что, говоря конкретно об удмуртах, И. А. Косарева называет примером этнической группы удмуртов-ватка, а бесермян предлагает считать особым субэтносом в составе удмуртского народа (с. 12). Если такая дефиниция удмуртов-ватка возражений не вызывает, то отнесение бесермян к субэтносам удмуртского народа, на наш взгляд, выглядит, как минимум, небесспорно. Во-первых, не видно какой-то принципиальной разницы между самими понятиями *субэтнос* и *этническая группа*; их различие и разделение, по нашему мнению, выглядит искусственным, т. к. оба термина обозначают одно и то же. Во-вторых, мы всё же склоняемся к тому, чтобы считать бесермян не особой субэтнической группой в составе удмуртского народа, а отдельным, хотя и близкородственным удмуртам, этносом. Главным аргументом в пользу такого вывода полагаем то обстоятельство, что сами бесермяне удмуртами себя не считали и не считают, т. е. отделяют себя от удмуртов на уровне этнического самосознания. Впрочем, хорошо осознавая дискуссионность данного вопроса, ни в коем случае не ставим свои возражения в упрек автору.

В завершающей части введения к первой книге монографии, суммируя вышеизложенные рассуждения и умозаключения, И. А. Косарева формулирует достаточно чёткие критерии выделения этнографических групп вообще и этнографических групп удмуртов в частности (с. 17–18):

1) культурная специфика, т. е. наличие ярко выраженных особенностей в материальной и духовной культуре группы;

2) достаточно высокий уровень эндогамии, позволяющий сохранять обособленность группы от других этнографических групп этноса на семейно-родовом уровне;

3) наличие более или менее ощутимых естественных границ ареалов расселения этнографической группы, обозначаемых реками, болотами, лесными массивами или другими преградами географического характера;

4) языковые особенности, воплощённые в существовании присущих различным этнографическим группам диалектов языка.

Что же, предложенные критерии выглядят весьма логичными, правильно и точно акцентированными, а посему позволяют вполне уверенно выделять те или иные этнографические группы в составе тех или иных народов.

Часть 1 первой книги монографии И. А. Косаревой посвящена выделению и краткому описанию некоторых важных особенностей этнографических групп срединных удмуртов. Так, например, в главе 1.1. разбирается этнографическая группа Калмез, расселённая, главным образом, в бассейне р. Кильмезь (левый приток р. Вятки). В частности, И. А. Косарева, насколько мы понимаем, впервые прямым текстом отмечает такой значимый для этнографии удмуртов факт, что сами калмезы нигде себя калмезами не называют (с. 20). Таким образом, название *калмез* — это в чистом виде экзоэтноним, коим калмезов именуют их соседи, принадлежащие к прочим субэтническим и этнографическим группам удмуртов. Как следует из текста, данное обстоятельство вообще-то было известно этнографам уже довольно давно, однако, по какому-то удивительному стечению обстоятельств, до сих пор не попадало на страницы научных публикаций.

Далее И. А. Косарева обосновывает выделение удмуртов-калмезов именно как отдельной этнографической группы, а не какого-то племенного или чисто территориального объединения, для которого, помимо чётко обрисованного автором ареала расселения (с. 22–23, 25–26, 36–37, Карта 6), характерны свои диалектные особенности (с. 37) и особые черты материальной и духовной культуры. К таким чертам исследовательница относит некоторые элементы традиционных украшений и одежды калмезов, а также характерную для них старинную традицию проведения осенью весьма примечательного праздника *пёртмаськон* (с. 24–25).

Отдельного внимания заслуживает очень интересный и важный вывод И. А. Косаревой о том, что группу удмуртов, проживающих в бассейне р. Лумпунь (правый приток Кильмези) на территории Унинского района Кировской области, следует отделять от собственно калмезов. Исследовательница вполне обоснованно выделяет эту часть удмуртского этноса в отдельную этнографическую группу и предлагает называть её *унинским калмезами*, сохранив термин *калмезы* для основной части удмуртского населения бассейна р. Кильмезь (с. 27–30).

В главе 1.2. первой части монографии И. А. Косарева так же обстоятельно рассматривает верхнеижско-шарканскую этнографическую группу срединных удмуртов. Прежде всего она вполне чётко обрисовывает ареал и границы расселения этой группы удмуртов (с. 39—40). Далее останавливается на особенностях их традиционного костюма, украшений, вышивки, техники тканья, традиционной обрядности и других элементов материальной и духовной культуры, которые и позволили ей выделить удмуртов верхнего течения р. Иж и Шарканского района Удмуртской Республики в особую этнографическую группу.

Во второй части первой книги монографии И. А. Косарева исследует этническую структуру южной части удмуртов. Если быть более точным, то объектом её внимания здесь стала, главным образом, группа т. н. собственно-южных удмуртов, включающая удмуртское население южных районов Удмуртской Республики и некоторых сопредельных районов Татарстана и Кировской области. К собственно-южным удмуртам автор монографии относит среднеижско-левобережную, алнашско-киясовскую, граховско-южнокизнерскую, севернокизнерскую, водзимоньинскую и можгинско-малопургинскую подгруппы.

К сожалению, И. А. Косарева не поясняет должным образом, почему она подразделяет срединных удмуртов на **группы** (см. выше), а собственно-южных удмуртов — на **подгруппы**. По всей видимости, автором подразумевается, что, помимо собственно-южной, эта часть удмуртского этноса включает ещё и периферийно-южные (островные) группы, расселённые обособленными кустами на территории Марий Эл, Татарстана, Башкирии, Пермского края и Свердловской области, которые почти не затронуты в рецензируемой монографии (о чём ещё будет речь ниже). На наш взгляд, эта недосказанность вносит в текст сочинения И. А. Косаревой некоторую путаницу и элемент недопонимания.

Во второй части монографии автор неоднократно особо указывает на то, что одна часть южных удмуртов говорит на южном наречии удмуртского языка, в то время как другая их часть является носителями его срединных говоров (с. 54, 96). Однако исследовательница почему-то оставляет без необходимых здесь объяснений, по какой причине последних она всё же относит к южным удмуртам, а не к срединным. Вполне допускаем, что у неё были весьма веские причины и основания для такого заключения, но они остались невысказанными.

В остальном же вторую часть работы И. А. Косаревой можно охарактеризовать сугубо положительно. В ней очень уместно и гармонично сочетаются лаконичность изложения с полнотой освещения исследуемых вопросов. Автор представляет вниманию читателей массу важных и интереснейших фактов, касающихся различных сторон быта, верований, материальной и духовной культуры, семейно-брачных отношений, миграций и взаимосвязей всех упомянутых подгрупп южных удмуртов.

Отдельная глава (Глава 2.7) второй части посвящена этнографической группе бавлинских удмуртов, проживающих на юго-востоке Республики Татарстан. Хотя эту группу обычно относят к периферийно-южным удмуртским группам, И. А. Косарева, основываясь на архивных данных, собственных исследованиях этнографии бавлинских удмуртов, обосновала их особую близость к собственно-южным удмуртам, их тесные исторические и культурные связи (с. 116—118).

Некоторое удивление вызвала третья часть первой книги, касающаяся наборов украшений различных этнографических подразделений удмуртов. Не уверены, что имело смысл выделять такой довольно узкий вопрос в отдельную, даже не главу, а часть монографии. В конце концов, по своему объёму третья часть получилась совсем незначительной (чуть более трёх страниц — с. 120—123), что явно не соответствует статусу целой части. Представляется, что весь изложенный в третьей части материал без какого-то ущерба вполне можно было распределить по отдельным главам первой и второй частей.

Особого внимания и отдельной похвалы заслуживает вторая книга монографии. Она представляет собой весьма объёмный комплект карт и иллюстраций, очень наглядно дополняющих и поясняющих текстовую часть сочинения И. А. Косаревой. Пожалуй впервые границы описываемых и выделяемых этнографических групп и подгрупп удмуртов обрисованы с предельной точностью — до отдельных деревень. Очень выразительны и информативны иллюстрации, касающиеся традиционных костюмных комплексов, элементов одежды, украшений, домашней утвари, тех или иных обрядов и ритуалов различных групп удмуртов. Любой интересующийся историей и этнографией удмуртов может почерпнуть здесь немало интересного.

В конце рецензии выскажем ещё пару замечаний общего и частного характера. На наш взгляд, наиболее существенный недостаток работы И. А. Косаревой в том, что, несмотря на все несомненные её достоинства, по прочтении не оставляет ощущение некоторой неполноты и незавершённости этого

труда. Отсутствие в монографии этнографического описания и анализа этнической структуры северных удмуртов и большинства периферийно-южных удмуртских групп вряд ли можно считать оправданным; необходимость их включения в работу прямо-таки напрашивается.

Из каких субэтнических и этнографических групп состоит северная часть удмуртского этноса? Всех ли северных удмуртов целиком можно относить к объединению *ватка*, и, если нет, то какие ещё группы можно выделить в севернорудмуртском этническом массиве? Какие подгруппы и подразделения можно выделить среди удмуртов-ватка? Каковы точные границы расселения и особенности быта, материальной и духовной культуры, отличающие северных удмуртов от прочих удмуртских подразделений? Эти и многие другие подобные вопросы, так обстоятельно и полно освещённые в монографии касательно срединных и собственно-южных удмуртов, остались, к великому сожалению, за рамками настоящего исследования. Что касается периферийно-южных групп удмуртов, описание и анализ их этнической структуры и этнографических особенностей, на наш взгляд, также следовало бы включить в данную монографию. И хотя И. А. Косарева посвятила им отдельную работу, о чём особо упомянула (с. 14, 116), включение этих материалов в монографию было бы совершенно уместным и логичным. Очень надеюсь, что, если автор будет продолжать свою исследовательскую деятельность в данном направлении, то учтёт настоящее замечание в последующих публикациях и внесёт в них соответствующие дополнения.

Среди прочих, менее значительных и важных, недостатков отметим дважды промелькнувшую в тексте фактическую ошибку. И. А. Косарева ошибочно называет р. Лозу притоком р. Иты, а последнюю считает левым притоком р. Чепцы (с. 22, 39). На самом деле, всё обстоит с точностью наоборот; р. Ита является притоком р. Лозы, а Лоза — это крупный левый приток Чепцы.

Подводя итог, подчеркнём, что, несмотря на все вышеупомянутые недостатки и недочёты, в целом монография И. А. Косаревой оставляет впечатление очень старательно и трудолюбиво выполненного труда, содержащего большое количество интересного и полезного материала. Основные выводы и заключения автора практически всегда грамотно и непротиворечиво обоснованы и подкреплены необходимыми фактическими данными. Нет сомнений, что это сочинение заслуженно займёт достойное место в ряду самых важных и ценных работ по удмуртской этнографии и будет активно использоваться многими поколениями исследователей истории, этнографии, языка, фольклора, быта, материальной и духовной культуры удмуртского народа.

* * *

1. *Косарева И. А.* Этнографические группы удмуртов (опыт выделения). Часть 1. Текст // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Т. 37, № 2. Казань: Издательство Казанского университета, 2017. 196 с.
2. *Косарева И. А.* Этнографические группы удмуртов (опыт выделения). Часть 2. Карты. Иллюстрации // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Т. 37, № 3. Казань: Издательство Казанского университета, 2017. 188 с.

Поступила в редакцию 25.12.2018

Белых Сергей Константинович, кандидат исторических наук, доцент
E-mail: bibulus@e-izhevsk.ru

S.K. Belykh

A NEW STUDY ON THE ETHNOGRAPHY OF THE UDMURTS

DOI: 10.35634/2412-9534-2019-29-4-674-678

The text is a review of a relatively recently published monograph by I. Kosareva “Ethnographic groups of the Udmurt people (an attempt of definition)”. This book is devoted to the problem of definition of the Udmurt ethnographical groups. Up to nowadays in the ethnographical literature the division of the Udmurt people was based mainly on general historical and ethnographical considerations, as well as on the well-known facts of self-identification of some groups. The Udmurts were divided into the Northern, Southern, Central, Trans-Kama, Trans-Vyatka and some other groups (the Bessermians, the Votka Udmurts etc.) At the same time, the boundaries between these groups were rather uncertain, and the criteria for their allocation were not sufficiently clear and definite. Based on the works of her predecessors, archival

materials and her own historical and ethnographic research, the author offers a new version of the classification of ethnographic groups of the Udmurts.

Keywords: ethnography, ethnographic groups of the Udmurts, material and spiritual culture of the Udmurts, Udmurt ethnic territory.

REFERENCES

1. *Kosareva I. A.* Etnograficheskiye gruppy udmurtov (opyt vydeleniya). Chast' 1. Tekst [Ethnographic groups of Udmurts (experience of isolation). Pt. 1. Text]. *Izvestiya Obshchestva arkhologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete. Tom 37, № 2* [News of the Society of Archeology, History and Ethnography at Kazan University, vol. 37, no. 2]. Kazan, Kazan University Press, 2017, 196 p. (In Russian).
2. *Kosareva I. A.* Etnograficheskiye gruppy udmurtov (opyt vydeleniya). Chast' 2. Karty. Illyustratsii [Ethnographic groups of Udmurts (experience of isolation). Pt. 2. Maps. Illustrations]. *Izvestiya Obshchestva arkhologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete. Tom 37, № 3* [News of the Society of Archeology, History and Ethnography at Kazan University, vol. 37, no. 3]. Kazan, Kazan University Press, 2017, 188 p. (In Russian).

Received 25.12.2018

Belykh S.K., Candidate of History, Associate Professor
E-mail: bibulus@e-izhevsk.ru